

Е. В. Кожина

Личные истории детства мужчин родителей

Статья посвящена актуальной проблеме влияния индивидуального детского опыта мужчин на становление их отцовского отношения. В ней обсуждаются результаты сравнительного изучения представленного в воспоминаниях отцов с благоприятным и неблагоприятным для развития ребенка стилем родительского отношения содержания их субъективного детского опыта и, в частности, взаимоотношений с собственными родителями, полученные с помощью методики анализа ранних воспоминаний личности.

Ключевые слова: отцовское отношение, индивидуальный детский опыт, ранние воспоминания.

E. V. Kozhina

Personal Stories about Childhood of Men-Parents

The article is devoted to the urgent problem of influence of individual childish experience of men on formation of their fatherly attitude. It discusses results of comparative study presented in memoirs of fathers with favorable and adverse style of the parent's attitude for child's development of the content of their subjective childish experience and, in particular, relationship with their own parents, received by means of a technique of the analysis of the personality's early memoirs.

Key words: fatherly attitude, individual childish experience, early memoirs.

Конец XX – начало XXI в. ознаменовали себя высоким научным интересом к феномену отцовства, что, в частности, связано с признанием факта значимости отцовской роли как для развития и воспитания детей, так и в плане личностного становления самого мужчины. Однако на фоне имеющихся в современной психологии теоретических и практических разработок по проблеме отцовства и отцовских функций обращает на себя внимание недостаточная изученность условий и детерминант отцовского отношения к ребенку, педагогических установок современных отцов и характера их взаимодействия с собственными детьми, что приводит к наличию различных и порой весьма противоречивых точек зрения относительно данной проблемы.

Предпринятый нами анализ имеющихся на сегодняшний день публикаций, касающихся отцовства, позволил предположить, что к числу таких условий и детерминант необходимо, прежде всего, отнести ранний детский опыт отцов, их образ собственного детства и, в частности, индивидуальный опыт взаимодействия со своими родителями (особенно отцами), что, по мнению А. Адлера [1, 5], определяет «жизненный сценарий» мужчины и, следовательно, может оказывать влияние на стиль его родительского отношения. Именно этому аспекту и было посвящено

выполненное нами исследование, в котором принимали участие 67 отцов с разными стилями родительского отношения к ребенку.

Выявление этих стилей осуществлялось в нашем предварительном исследовании с использованием опросника родительского отношения А. Я. Варга – В. В. Столина. При этом, определяя стиль отцовского отношения, мы исходили из имеющихся в отечественной психологии данных [3], согласно которым к числу неблагоприятных для развития ребенка стилей родительского отношения можно отнести эмоциональное отвержение; симбиоз; авторитарную гиперсоциализацию; инфантилизацию ребенка по типу «маленький неудачник»; тогда как к числу благоприятных для развития ребенка – эмоциональное принятие и кооперацию.

Отметим, что по полученным нами предварительным данным, из 67 испытуемых абсолютное большинство отцов – 41 человек, демонстрировали неблагоприятные для развития ребенка стили родительского отношения (НСО), и только 26 человек – благоприятные для развития ребенка стили родительского отношения (БСО).

Нами были сформулированы следующие гипотезы:

1. В содержании индивидуального жизненного опыта, представленного в воспоминаниях от-

цов с благоприятным для развития ребенка стилем родительского отношения, скорее всего, будет преобладать эмоционально позитивный образ собственного детства, тогда как в воспоминаниях отцов с неблагоприятным для развития ребенка стилем родительского отношения в целом может доминировать эмоционально негативный образ собственного детства.

2. На характер отцовского отношения к ребенку может оказывать влияние индивидуальный детский опыт мужчины в плане взаимоотношений с собственными родителями (особенно отцом) и типичных моделей их родительского поведения.

В своем исследовании мы опирались на концепцию А. Адлера, который считал анализ ранних воспоминаний – главным методом исследования личности, придавая особое значение самому раннему воспоминанию как началу автобиографии, которую человек создает. По мнению А. Адлера, в самых ранних воспоминаниях находят выражение базисные жизненные установки человека, основные жизненные трудности и способ их преодоления, содержится фундаментальная оценка человеком самого себя и своего положения [5].

В индивидуальной психологии А. Адлера ранние детские воспоминания рассматриваются в контексте понятия индивидуальный стиль жизни

– того уникального способа, который выбирает человек для реализации своих жизненных целей. Жизненный стиль – есть постепенно развертывающийся жизненный план, включающий собственную индивиду концепцию жизни (значение, которое человек придает миру и самому себе, направленности своих устремлений) и выработанные им типичные паттерны поведения (привычки и подходы к решению жизненных проблем), формирование которых происходит в раннем детстве, исходя из контекста развития и позиции ребенка. Иными словами, с позиций концепции А. Адлера прослеживается тесная связь раннего детского опыта с будущей взрослой жизнью субъекта.

Для изучения индивидуально детского опыта отцов в своей работе мы использовали методику А. Адлера «Ранние детские воспоминания» [5], а также модифицированную технику анализа ранних воспоминаний личности, предложенную Е. Н. Исполатовой и Т. П. Николаевой [2]. Кроме того, проводя свое исследование, мы руководствовались некоторыми положениями Н. К. Радиной [4] относительно ряда категорий, которые можно учитывать при интерпретации полученных от испытуемых ответов.

Итак, кратко изложим результаты анализа ранних детских воспоминаний наших испытуемых (табл. 1).

Таблица 1

Специфика индивидуального детского опыта отцов разными стилями родительского отношения

Категории воспоминаний	Тип отношения отца к ребенку	
	Благоприятный	Неблагоприятный
Персонажи воспоминаний	Отец, мать, сестра, брат, друг, домашнее животное	Сверстники, соседи, символические образы
Тип события	Новые жизненные ситуации, причастность семье, подарок	Опасность, проступок, несчастный случай, наказания
Способ восприятия ситуации	Зрительные образы, устойчивые положительные образы	Зрительные образы, амбивалентные чувства, кинестетические ощущения
Эмоциональная насыщенность образов	Яркие, четкие эмоционально насыщенные положительные образы	Эмоционально нейтральные и эмоционально насыщенные отрицательные образы
Собственная позиция	Есть	Есть ситуации, где присутствует собственная позиция, но в основном она отсутствует
Пространственная ориентация	И суженная, и расширенная	Суженная
Близость главного персонажа к другим участникам	Присутствует, «Мы-ситуация» с родителями	Отсутствует, в основном «Я-ситуации», «Мы-ситуации» со сверстниками
Активность поведения	Активное	Пассивное

Первое и значимое, на наш взгляд, что отличает ранние детские воспоминания отцов с НСО от отцов с БСО – это начало интервью. Практически у каждого испытуемого первой группы оно начинается со слов о невозможности что-либо вспомнить или значительных затруднениях при воспоминании каких-то фактов из личного опыта, связанного с детским возрастом («Я мало, что помню из раннего детства. Даже не знаю, что написать»; «Из детства помню только одну – игру Стрелы»; «Мне кажется, я не могу вспомнить событий из далекого прошлого. Очень трудно вспоминать детали и ощущения, которые я испытывал, когда был ребенком» и т. п.).

Опираясь на точку зрения Н. К. Радиной, можно предположить, что подобное начало, вероятно, свидетельствует об утрачивающейся личной истории испытуемых. А этот факт, связанный с отсутствием воспроизведения контекста прошлого, по словам специалистов, может оказывать негативное влияние на развивающуюся личность, поскольку, как утверждал еще С. Л. Рубинштейн, «человек лишь постольку и является личностью, поскольку он имеет свою историю» [4, с. 122].

Еще одним важным моментом, с нашей точки зрения, являются довольно яркие различия в плане эмоциональной окрашенности детских воспоминаний отцов с различными стилями родительского отношения. Так, у испытуемых с БСО с эмоциональной точки зрения воспоминания оказались гораздо насыщеннее и намного богаче, в них значительно доминируют эмоционально насыщенные положительные образы и более четко представлена собственная позиция автора относительно того или иного действующего лица или события, нежели у отцов с НСО.

Напротив, воспоминания последних содержат преимущественно эмоционально нейтральные и / или эмоционально насыщенные отрицательные образы, что в целом может служить показателем высокой эмоциональной напряженности и дискомфорта этих испытуемых. Кроме того, в их воспоминаниях, как правило, отсутствует собственная позиция автора, которая встречается только в очень редких случаях.

Напомним, что для определения специфики индивидуального жизненного опыта в рамках своей концепции А. Адлер предлагал обращать особое внимание на анализ образов тех людей, которые выступают в содержании детских воспоминаний в роли действующих лиц. При этом включенность в воспоминание определенного

круга людей, по мнению А. Адлера, показывает, насколько ребенок знаком с социальным миром, с узким социальным кругом (таким как семья) или с более широким (друзья и прочие люди); насколько он готов сотрудничать или вступать в конфронтацию с этими людьми; насколько привязан к ним и нуждается в них.

Проанализировав ранние детские воспоминания отцов с БСО, мы обнаружили, что практически в каждом из них присутствуют образы отца и матери, сопровождающиеся яркими эмоционально насыщенными положительными переживаниями и событиями единения и сопричастности семье. При этом имеет место психологическая близость автора воспоминания со своими родителями, стремление идти с ними на контакт, «Мы-ситуация» в проявлениях активности ребенка.

В качестве примера приведем несколько наиболее типичных высказываний этой группы испытуемых: «Было лето, мы с отцом поехали проверять сетки на Волгу... Мы поехали на мотоцикле, отец посадил меня на бак впереди, чтобы мне все было видно»; «Мне было так весело, радость переполняла меня. Я гордился, что отец в этот день взял меня с собой»; «Мама часто приносила книги из библиотеки, и мы вместе с ней читали по вечерам»; «...мы всей семьей в деревне ловили майских жуков... Мы с папой ловили кепками, а мама веником. Отец больше всех наловил, но я не расстроился – было весело!» и др.

Также в текстах воспоминаний отцов с БСО на общем фоне позитивных отношений нередко присутствуют образы братьев, сестер и друзей, что может свидетельствовать о развитии социального чувства и склонности к сотрудничеству этих испытуемых («Нам с моей сестрой Ольгой купили маленькие велосипеды с названием «Орленок», и у нас была цель научиться кататься на велосипеде перед тем, как пойдем в школу»; «Я с братом часто ходил на рыбалку. Там мы разводили костер, варили уху»; «У меня было много друзей. Каждое лето мы ходили с ними в поход – так мы называли наши прогулки до Щелоковского хутора» и др.).

Таким образом, судя по воспоминаниям отцов с БСО, их детский опыт был наполнен позитивными взаимоотношениями с близкими людьми и, прежде всего, родителями, благодаря которым ребенок благополучно включался в социум, расширял свои межличностные связи.

При этом та забота и любовь, которые получали эти испытуемые от родителей, трансформируется в их воспоминаниях в различные ответные реакции в виде личной заботы о домашних животных (собаках, хомяках) и других людях (сиблинги, друзья). Кроме того, именно о любви и заботе со стороны близких свидетельствует факт упоминания отцов с БСО о необычных и долгожданных подарках, полученных ими в детстве от родителей и прародителей.

Что же касается воспоминаний испытуемых с НСО, то судя по полученным нами данным, образы матери и отца в них практически не встречаются, а в тех редких случаях, когда присутствуют, не описываются как активные персонажи и, скорее, представлены всего лишь символически, что может, в частности, являться результатом отчуждения ребенка от родителей и служить свидетельством того, что отец и мать, возможно, пренебрегали им.

Иллюстрацией того, что родители действительно пренебрегали ребенком, и в ответ дети не шли с ними на контакт, могут служить следующие строки: *«Отцу вечно на меня времени не хватало, что я не помню свое детство, он постоянно работал»*; *«Дома отец был пьяный и злой, мне всегда хотелось поскорее уйти из дома, я вечно с мальчишками околачивался на улице»*; *«Когда я лежал в больнице, мама редко ко мне приходила»* и т. п.

В целом, судя по воспоминаниям испытуемых с НСО, они либо были отделены от родителей и не взаимодействовали с ними, либо имели с ними негативные взаимоотношения (*«Я пришел домой весь испачканный, грязный, чумазый; мать так разозлилась, что отлупила меня шлангом. Мне было больно и обидно. На следующий день я нарочно пошел опять гулять на шарбойку и пришел еще грязнее прежнего»*; *«Когда я упал, родители сильно кричали на меня, а я стоял весь грязный»*; *«Родители стали смотреть телевизор, а я ушел гулять один»* и т. п.

Также следует отметить, что в воспоминаниях этой группы испытуемых чаще описываются «не родители» – сверстники, соседи и другие, не имеющие отношения к семье люди, реже – сиблинги, опыт отношения с которыми, как правило, тоже нельзя назвать удачным: *«Я в детстве постоянно дрался со своей старшей сестрой. Она вечно ко мне придиралась и сваливала все на меня»*; *«Я учился в первом классе, сзади меня сидели мальчишки, с которыми я не сошелся...»* и т. п.

К тому же преобладание в субъективном детском опыте отцов с НСО «Я-ситуации», позволяет нам констатировать факт наличия в их социальной активности тенденции к изоляции.

Весьма показательными, на наш взгляд, являются и результаты анализа представленных в воспоминаниях наших испытуемых типов происходящих событий. В этом плане в ходе выполненного исследования нами также были обнаружены некоторые существенные отличия у отцов с различными стилями родительского отношения.

Так, отцы, демонстрирующие БСО, в подавляющем большинстве своих воспоминаний описывают позитивные и ярко насыщенные новые жизненные ситуации, связанные с поездками (на море, в лес, в деревню), приятными находками, катанием на разных видах транспорта, рыбалкой и т. п.

Кроме того, довольно часто у них встречаются и упоминания о подарках – неклассическом типе событий, отсутствующем в трактовке А. Адлера, который, как полагает Н. К. Раднина, может свидетельствовать о наличии «особого позитивного ресурса» личности – представления о том, что каждый, включая и его, достоин любви и заботы со стороны близких и значимых людей [4].

Напротив, в воспоминаниях отцов, демонстрирующих НСО, как правило, преобладают негативные события, относящиеся к категории «болезнь», «опасность» и «несчастный случай».

К примеру, довольно часто эти испытуемые рассказывали о том, как заблудились в лесу, как потерялись в толпе, как их наказывали за какой-либо проступок (ставили в угол, пороли, заставляли сделать что-то в наказание), как с ними происходили всевозможные несчастья (ударился, проткнул ногу, разбил голову, упал с велосипеда, попал с родителями в аварию), сообщали о своих болезнях, драках, разногласиях со сверстниками и т. п.

Полагаем, что подобного рода события служат яркой иллюстрацией факта явного доминирования в субъективном опыте отцов с НСО негативных и угрожающих воспоминаний.

Таким образом, обобщая полученные в нашем исследовании результаты, мы можем сделать вывод о том, что воспоминания мужчин с БСО носят преимущественно позитивный эмоциональный характер и тем самым свидетельствуют о более оптимистичном образе их собственного детства, в то время как отрицательный эмоцио-

нальный фон воспоминаний мужчин с НСО может служить показателем преобладания у них в целом негативного образа собственного детства. Иными словами, имеющиеся у нас данные позволяют со всей очевидностью заключить, что наша первая гипотеза полностью подтвердилась.

Что же касается второй гипотезы, то она также находит свое подтверждение. Опираясь на собранный в исследовании фактический материал, мы вправе говорить о наличии ярко выраженной тенденции присутствия в индивидуальном детском опыте мужчин с БСО позитивных взаимоотношений с собственными родителями, их сопричастности семье, положительных эмоциональных переживаний от совместной деятельности с другими людьми, как родственниками (включая отца и мать), так и чужими (друзьями и знакомыми), тогда как у мужчин с НСО прослеживается тенденция иного рода, а именно: негативный опыт взаимодействия с отцом и матерью,

ограниченность контактов с ними и стремление избегать совместной с ними деятельности.

Библиографический список:

1. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии [Текст] / А. Адлер. – М. : Сфера, 1995. – 386 с.
2. Исполатова, Е. Н., Николаева, Т. П. Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности [Текст] / Е. Н. Исполатова, Т. П. Николаева // Вопросы психологии. – 1999. – № 1. – С. 69–76.
3. Пороцкая, Е. Л., Спиридонов, В. Ф. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника [Текст] / Е. Л. Пороцкая, В. Ф. Спиридонов // Вопросы психологии. – 2004. – № 4. – С. 31–39.
4. Радина, Н. К. Ресоциализация и адаптация выпускников детских домов и интернатов [Текст] / Н. К. Радина. – Н. Новгород : ННГУ, 2004. – 289 с.
5. Сидоренко, Е. В. Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру [Текст] / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2002. – 340 с.